

К югу от Палсемита, в центре континента Югена, располагалась благословенная умеренным климатом республика Сахана.

Исторически она начиналась как торговый пост между нациями и выросла в республику.

Пять лет назад Лутора провел год за границей, в Сахане, в качестве студента по обмену. В доме его хозяина, богатого купца, жила дочь торговца, которая была на три года старше Луторы.

Фионе Легли тогда было шестнадцать лет.

Очаровательная девушка с красивой улыбкой, она была первой любовью Луторы.

Лутора, которому тогда было тринадцать лет, каждый день приглашал ее на чай, чтобы привлечь ее внимание. Сидя за столом, они рассказывали друг другу разные истории. Больше всего ей нравились истории о Палсемите, родине Луторы. Высказывая свое желание когда-нибудь отправиться туда, она ни разу не попросила Лутору: «Покажи мне все вокруг, когда я приеду».

В особняке Легли вместе с супругами Легли, которые управляли бизнесом, жил молодой человек в расцвете сил. Дядя Фионы был спокоен, учтив и доброжелательно относился к иностранцу Луторе. Отчеты, которые Лутора написал после того, как его пребывание закончилось, вернувшись в Палсемит, были высоко оценены благодаря его влиянию. Он многое узнал от него о республике и культуре, которая была уникальна для Саханы.

Его мучила какая-то болезнь.

Это была неизлечимая болезнь, от которой он страдал с детства, болезнь, которая заставляла страдать от боли гораздо хуже, чем смерть на последних стадиях.

Даже Лутора, который много раз был свидетелем его припадков, не мог ничего сделать, кроме как застыть в ужасе, видя его горькую боль.

С другой стороны, Фиона испытывала беспокойство, типичное для девушек ее возраста.

Она влюбилась, и глубоко в своем сердце скрывала свои чувства и мечты, которые никогда не могли осуществиться.

- Видишь ли, я выйду замуж, как только мне исполнится семнадцать.

Помолвка с богатым купцом вдвое старше ее, человеком, чье лицо она никогда не видела, была назначена при рождении.

Опустив голову, Лутора погладил его с фамильярностью брата, утешающего сестру. Фиона опустила глаза, смирившись со своей судьбой. Она издала тихий смешок.

- Я хотела, чтобы мы всегда были вместе. Если бы мы могли остаться вместе в этом доме. Просто это было бы здорово...

Вспоминая эти слова, они ясно указывали на одного человека.

Тот, кто всегда был рядом с ней, и даже если бы она не вышла замуж, она все равно не смогла бы выйти за него замуж. Такой партнер, время, которое она провела с ним, было ограничено, ее дядя, такой близкий и в то же время такой далекий.

Так она лишилась жизни.

Даже перед своим любимым дядей. До того, как ей исполнилось семнадцать.

На прикроватной тумбочке стоял стеклянный флакон с цветком с круглыми лепестками, погруженным в бледно-фиолетовую жидкость.

Лутора никогда не мог забыть, как пара Легли сломалась и плакала, бормоча: «Почему Суймо, Фиона?»

Лутора вернулся в королевство и усердно работал с наследным принцем Сигурдом и другими, он присоединился к королевским рыцарям, где его отец служил командиром. Он часто разговаривал с вундеркиндом Морино, и наконец Луторе исполнилось восемнадцать, и он стал взрослым.

Словно по воле судьбы, прекрасная девушка предстала перед товарищами наследного принца. Нэша Латури. Святую деву привезли из деревни Кофоне в столицу, чтобы она стала жертвенной жрицей, приношением для древнего дракона Хариса.

Пока он смотрел на нее, девушку, которая смотрела прямо перед собой, не склоняясь перед своим мрачным будущим, решительную, несмотря на возложенные на нее неразумные обязанности. Не успел он опомниться, как любовь вновь расцвела в сердце, которое он уже отдал. Даже когда она выбрала наследного принца Викрама, его желание помочь ей оставалось неизменным.

Чтобы спасти Нэшу, Лутора начал расследование против своих явных врагов: Святыни и злого премьер-министра Андерхайма. Вновь столкнувшись с существованием Суймо, сердце Луторы было в смятении.

Шестеренки судьбы громко лязгнули друг о друга и начали вращаться.

А потом Лутора встретил Малакию.

Обладая способностью использовать целительную магию, Малакия был назначен главным жрецом в молодом возрасте, попавшись на глаза премьер-министру Андерхейму.

Первое впечатление Луторы заключалось в том, что он был просто темным человеком.

Мужчина с белыми волосами и бледной кожей. Его глаза, спрятанные за непоколебимой улыбкой, были такими же красными, как вечернее небо. Его моложавая внешность в сочетании со стройной фигурой не позволяла сказать, что он по меньшей мере на десять лет старше Луторы.

Даже когда Морино расспрашивал его о тайнах Суймо, Малакия беспечно уклонялся от вопросов. Он даже обращался с Луторой, который вошел в святилище, чтобы исследовать его, с той же нежностью, с какой относился к детям, не выбирая фаворитов.

По мере того как он приспособлялся к жизни в святилище, дети, которые обожали его, казалось, становились милее с каждым днем, и рыцари Храма начали смотреть на него снизу вверх.

Причины очищения Суймо, которые передавались из поколения в поколение верховными жрецами, были ужасающими. И хотя акт продажи его другим нациям нельзя было назвать этическим, в конце концов это был проступок, направленный на то, чтобы спасти кого-то от страданий. Если бы Лутора и другие не провели расследование, священные акты спасения, которые совершил Малакия, были бы похоронены в неизвестности. Тайну, которую он унес бы с собой в могилу.

Более того, когда Лутора был ужасно обижен оскорблениями, которые Нэша, та, которую он любил, обрушила на него из-за инцидента с Мелией. Малакия оставался с ним всю ночь, проводя пальцами по волосам Лутора, вытирая слезы, которые навернулись ему на глаза, и прижимая его к себе. Не стряхивая рук Лутора, которые нервно обнимали его, Малакия провел ночь, прижавшись к нему, пока он умело согрел замерзшее сердце Лутора.

Как только Лутора осознал свои чувства, они только усилились, как снежный ком, катящийся вниз по склону.

Он хотел, чтобы Малакия думал о нем как о ком-то особенном и полагался на него. Он хотел поделиться своими чувствами с Малакией.

Он не думал, что его ненавидят.

Если бы это было так, он не стал бы под предлогом усталости спать в комнате человека, который был на стороне наследного принца.

Это была пытка, сродни медленной, мучительной смерти, но спящее лицо любимого в его объятиях давало ему достаточно радости, чтобы компенсировать это.

Он еще мало что знал о своем прошлом.

Он знал, что давным-давно Малакия был сиротой, выросший в трущобах.

И Эми рассказала ему, как Малакия использовал свое тело, чтобы защитить храм.

Это был первый раз, когда он узнал, каково это - кипеть от ярости.

Он не хотел, чтобы Малакия снова прошел через это. Нет, он никогда не позволит ему пройти через это снова.

Даже несмотря на то, что он так решил.

- ...

- Рот главного жреца оказался меньше, чем я думал.

- Хм...

- Используй свой язык тоже, мне будет хорошо. Куку, дети, которые смотрят, наверняка испугаются.

Когда Лутора, наконец, подошел к концу мучительной обязанности охранять наследного принца и его невесту, которой не хватало самосознания, он наконец-то собрался вернуться в замок. Рыцарь остановил его, чтобы сообщить, что Малакию увели работорговцы. Это было невообразимое событие.

Он был благодарен судьбе за то, что на нем был армет, сквозь который не было видно его лица.

Передав бразды правления каретой, в которой находился наследный принц, солдату, передавшему эту информацию, Лутора побежал по все более пустынной цирковой площадке в поисках Малакии.

И то, что он увидел по прибытии, было...

Среди многочисленных палаток, разбросанных по территории, одна такая палатка, сделанная из темной ткани, стояла на некотором расстоянии от главной палатки.

Думая, что он услышал голос Малакии, он заглянул в палатку через щели. Перед его глазами разворачивалась невероятная сцена.

В центре палатки стояла большая кровать, на которой лежали трое мужчин.

Двое мускулистых мужчин прижали к земле худое тело, хорошо знакомое Луторе. Его схватили за волосы, и мужчина, чьи губы были прижаты к их пенисам, мычал и давился, пытаясь заглушить боль в горле.

Митра уже была снята с его белых шелковистых волос, а Далматик - символ духовенства - вот-вот должен был быть снят.

В этом не было никаких сомнений.

Это был любимый Луторы, Малакия.

- ...!

Лутора вытащил свой любимый кинжал из ножен, висевших у него на поясе.

Нисколько не смутившись, он бросился в полутемную палатку.

<http://bllate.org/book/17929/1718101>